

МОЙ ДРУГ САША БЕРМАН

2 декабря 2015 года после продолжительной болезни на семьдесят девятом году жизни скончался судья Всесоюзной категории Берман Александр Моисеевич. Он был одним из лучших составителей спортивных карт страны в конце шестидесятых-семидесятых годов прошлого столетия. Под руководством В.М. Алешина он был одним из авторов «революционной» карты Всесоюзных соревнований в 1969 году в Брянской области, был заместителем главного судьи по дистанциям Всесоюзных соревнований 1971 и 1974 годов, инспектором дистанций многих крупных соревнований в стране.

Память об Александре Моисеевиче навсегда сохранится в сердцах ориентировщиков старшего поколения страны.

Фамилию Берман я впервые услышал на моем первом первенстве Татарской АССР в начале июля 1966 года, которое проходило в живописных окрестностях села Боровое-Матюшино, в двадцати пяти километрах ниже Казани, на левом берегу Волги. (Кстати, на этой же местности через одиннадцать лет проходил второй день Первых Всесоюзных юношеских соревнований, которым журнал «Азимут» в четвертом номере прошлого года посвятил большую подборку воспоминаний организаторов этого знаменательного мероприятия). Соревнования давно закончились, начинало смеркаться, и вдруг мы, копошившиеся около костров, услышали чей-то громкий голос: «Берман на дистанции потерял свой вибрам!» (так именовали тогда туристскую обувь с толстой рифленой подошвой). Потом я его увидел с гитарой в руках около костра большого коллектива дербышкинских (это от названия поселка Сашиного места работы – научно-исследовательского института) ориентировщиков.

Первый раз с Сашей мы накоротке общались в конце марта 1967 года на первенстве ЦС «Буревестник», которое проходило около села «Ленино-Кокушкино» под Казанью. Саша был в бригаде начальников дистанций под руководством Вла-

димира Николаевича Крутицкого. Он поздравил с высоким для меня занятым пятым местом. А поближе мы с ним познакомились летом 1967 года. Соревнования проходили в Пустых Морквашах по нарисованной им карте. Мне что-то не понравилось в его карте, и я ему это высказал. Видимо, я был смелым ввиду того, что был еще единственным кандидатом в мастера спорта в республике. Саша очень спокойно отнесся к моим высказываниям. Потом я бегал по его картам в Пановке, Чулпанове и Крутушках. Выигрывал. Кстати, после соревнований в Чулпаново ко мне подошла одна ориентировщица из нашей команды и сказала, что один КП стоит неверно. Я ее предположение высказал Саше. Он предложил всем вместе сходить на этот пункт и попросил ее зайти на пункт с той привязки, откуда в первый раз она намеревалась его взять. Пункта на выступе заросшей вырубке не было. Этого выступа на карте просто не было. А пункт стоял на вырубке в метрах 200, тоже на выступе, который был нанесен на карту. Саша признал свою ошибку. После этого я никогда не замечал на его картах таких ошибок. Хотя весной следующего года в тех же Пустых Морквашах снова выступил безуспешно. Видимо, что-то я не понял в чередке отрожков ов-

рага. Вот тогда он мне предложил вместе с ним корректировать эту карту для предстоящего в июле матча Поволжья и Урала. Я знал, что в июле буду на военных сборах и не смогу в них участвовать, и согласился на его предложение. Выезжая на полевые работы, мы с ним очень тесно начали общаться. Я увидел в нем очень образованного, воспитанного и просто порядочного человека. С этой поры у меня с ним сложились приятельские отношения, которые очень быстро переросли в дружеские.

Я в те года заинтересовался, откуда у него появилась такая страсть к составлению карт и страсть к ориентированию вообще. В ходе подготовки этой статьи я разговаривал с Александром Тихоновичем Кашкаровым, судьей Республиканской категории. Он старше Сашы на четыре года. Вот его рассказ: «Саша к нам в Государственный научно-исследовательский институт прикладной оптики пришел после университета. Показался очень разносторонним человеком. Он великолепно играл на гитаре и сразу же вписался в коллектив вокально-инструментального ансамбля института. Занимаясь со студенческой скамьи туризмом, стал застрельщиком интересных походов молодежи в марийские леса. Помню, осенью 1964 года он подошел ко мне. Я был председателем профкома института. Начал разговор с того, что профком выделяет средства на различные туристские мероприятия, поддерживает зарождающееся ориентирование на местности. А вот из профкома на этих мероприятиях никто не бывает. Говорит – ты же закончил Московский институт геодезии и картографии (заканчивал по специальности «Оптические приборы»), так что тебе будет интересно. И предложил мне поехать в следующие выходные на озеро Глухое, где будут соревнования. И я поехал. Ехали в автобусе. У меня не было подходящей амуниции. Поехал в демисезонном пальто и со шляпой на голове. На месте мне нашли одежду, обувь, и я прошелся по дистанции. Потом ориентирование стало моим увлечением надолго. Но мне больше всего понравился наш вечер у костра. Саша взял гитару и запел. Все подхватили. Потом около нас устроились девушки из Йошкар-Олы, и этот чудный вечер закончился далеко за полночь. Саша в этом году уже стал рисовать карты – сначала район Крутушек, а потом Высокой Горы. И я позже приобщился к этому «ремеслу» под его руководством и был начальником дистанции на трех Всесоюзных соревнованиях».

В 1969 году, по рекомендации председателя республиканской секции Рима Кадьровича Валетдинова, Сашу включили в бригаду составителей карт Виктора Максимова Алешина, которая в короткие

С Александром Глушко во время Матча областей и республик Поволжья и Урала в 1976 году

сроки подготовила великолепные карты для Всесоюзных соревнований под Брянском. Вернувшись после первых сборов для полевых работ, Саша возглавил работу по составлению карт для предстоящего в сентябре первенства ЦС «Зенит» в Тетюшах, что в 120 километрах ниже по Волге от Казани. Мы выезжали туда по выходным дням паромом и по прибытии сразу же начинали работу. В первый выезд Саша нам преподал то, что он познал, работая с Алешиным. И карты наши получились.

Но самое неожиданное и интересное нас ждало осенью следующего года, когда нам поручили проведение зимних Всесоюзных соревнований, которые должны были состояться в начале марта. Времени для составления карт оставалось всего-то четыре месяца. Но Саша организовал ра-

боты так, что мы с «нуля», то есть не имея карты-топоосновы, с работой справились. Над картой для эстафеты работали, по колено утопая в снегу. Графическое выполнение карты первого дня соревнований Саша поручил мне. Во время предварительной инспекции Николай Николаевич Калиткин давал мне уроки мастерства графики (карту брянского Союза графически выполнял он). Я рисовал карту в комнате Саши. Иногда, работая допоздна, оставался у него ночевать. Саша вел хронометраж работы, которая составила 100 часов ровно. И вот, за два дня до соревнований, утром Саша берет выкопировку карты и идет на работу. Я, отославшись, стал ждать его. Приходит и показывает мне образец карты. Я ахнул от увиденного: все расплывчато. У нас чуть ли не слезы на глазах – ведь послезавтра

старт. Он быстро собрался и ушел. Часа через четыре-пять возвращается, весь сияющий. Показывает карту – все отлично. Он, оказывается, за это время разыскал лучшего в городе фотографа – Ивана Митрофановича, и тот сделал, как говорят, «что надо».

Летние Всесоюзные соревнования 1974 года снова поручили нам. Я не мог участвовать в составлении карт для них, так как в то время имел вполне оправданные спортивные амбиции. Для первого дня соревнований Сашей был выбран район озера Машиньер в марийских лесах, в ста километрах от Казани. Вот что рассказывает о подготовке карт для этих соревнований судья Всесоюзной категории Шамиль Арсланович Исламов: «Работы на Машиньере мы начали летом 1973 года. Саша собрал всех наших казанских составителей карт, привлек к этой работе и ребят с других городов республики. Работу он организовал очень умело. На первоначальной стадии это было в виде семинара. Мы разбились на берегу озера целый палаточный лагерь. Нас было тридцать человек: двадцать парней и десять девушек – в основном жены ребят. Женщины обеспечивали хозяйственное функционирование лагеря. Они сами заготавливали сухостой, разводили костер, готовили пищу. Большинство из них были опытными туристами и знали все премудрости такого быта. Причем, в целях экономии времени составителей карт на дальних участках, отстоящих от лагеря до четырех и более километров, они приносили днем еду в заранее обусловленное место. Ребятам не было нужды ходить до лагеря и возвращаться на место работы. В то время в стране уже был дефицит некоторых продуктов питания, и Саша смог пробить через республиканский совет по туризму все необходимые продукты. Хочу отметить – из женщин в составлении карты участвовала лишь одна: Зоя Калимуллина. Она же вычерчивала все фотоформы карты для дальнейшей цветной печати. Впоследствии Зоя стала судьей Республиканской категории. Район был очень сложный: практически не было системы просек, слабообразованная сеть дорог и сложный разнообразный рельеф. Саша предложил оригинальный вариант для облегчения работ – весь район был разбит на небольшие квадраты при помощи белых ниток. В этой работе составителям карт помогали и женщины. Этот прием облегчил работу по стыковке отдельных участков. Во время работы над картой я от Саши услышал неведомое странное слово. В ноябре мы ночевали в палатке, в середине которой стояла печь. Когда в печи остались догорающие угли, излучающие сизо-желтые сполохи огня, Саша указывает на них и говорит «Это глобар: инфра-красное излучение». Мы знали, что он специалист по спектрографии различных видов тепловых излуче-

Слева А. Берман – заместитель главного судьи по дистанциям, справа – главный судья Р. Валетдинов перед стартом первого дня Всесоюзных соревнований 1974 г.

ний и догадывались о направленности его научной работы. Параллельно мы начали готовить карты для эстафет и третьего дня соревнований. Они находились в часе езды от города, и туда можно было выезжать чаще. Он и здесь умело организовал работы. Назначил ответственных по районам: в эстафетах меня, а по третьему дню – Александра Петровича Андрейкина, судью Республиканской категории из Набережных Челнов».

Еще одно «бермановское» новшество мы увидели на третий день соревнований. На карте был применен ненормативный знак – парковый лес был окрашен розовым цветом. Насколько я помню, такого у нас еще не было, и это всем соревнующимся очень понравилось – появилась отличная информативность о местности.

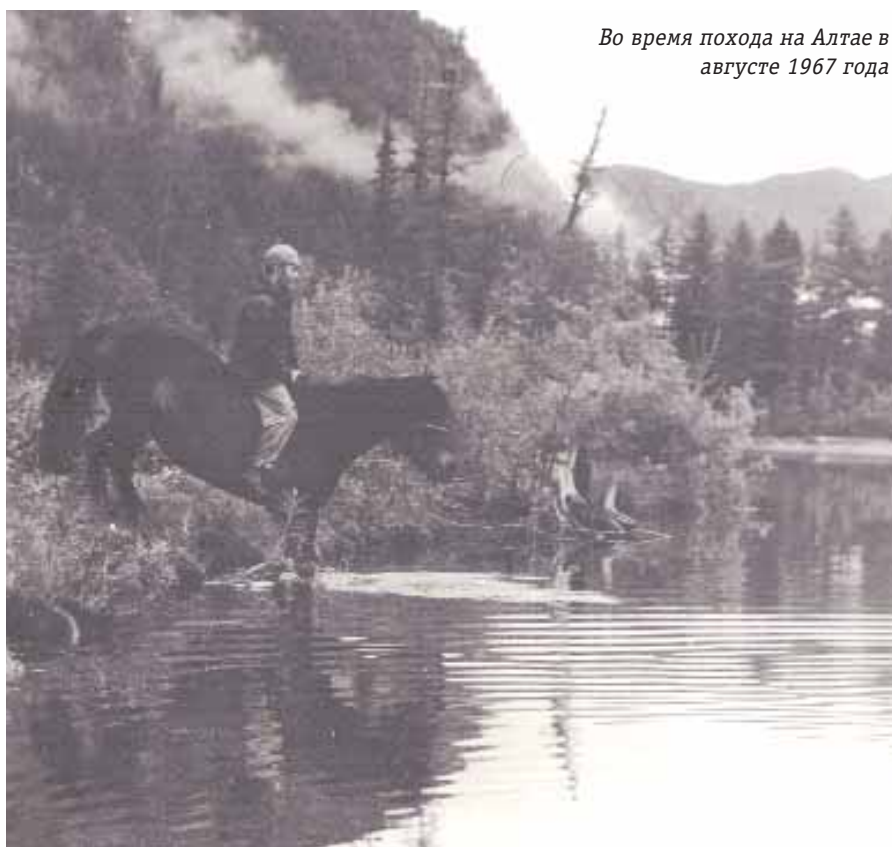
Саша создал в республике настоящую школу составителей карт: трое судей Всесоюзной категории, девять Республиканской. Сколько карт ими составлено! Сколько крупных соревнований проведено! Особенно были привлекательными для всевозможных соревнований местности и карты, по которым проводились ранее всесоюзные соревнования. На одни соревнования приезжали даже из Владивостока. И Саша всегда интересовался у участников впечатлениями о карте, дистанциях. В мае 1976 года на озере Машиньер проводили матч областей и республик Поволжья и Урала. В качестве инспектора этих соревнований мы пригласили одного из сильнейших ориентировщиков страны Сашу Глушко из Новосибирска. После соревнований Саша очень долго беседовал с ним (см. фото) и спрашивал его мнение о карте, так как на

этих соревнованиях он выступал не как спортсмен и скрупулезно мог оценивать качество карты на малой скорости передвижения по местности. И по выражению лиц на снимке видно, что оно было высоким.

Саша в восьмидесятых годах прошлого столетия почти не участвовал в составлении карт, изредка привлекался к корректировке имеющихся и к инспектированию дистанций вместе со своими учениками и соратниками. В 1982 году пост председателя республиканской федерации принял Виктор Рудольфович Састамойнен. Он в 1998 году с семьей переехал в Финляндию, и в настоящее время вместе с супругой живет в небольшом городке возле города Турку. Кстати, он в Финляндии иногда встречается с нашими ориентировщиками-сборниками и с некоторыми из них хорошо знаком. Часто общается с Юрием Емалдыновым, живущим неподалеку, в небольшом городке Сало, и получает от него информацию о делах в российском ориентировании. Связался с Виктором по «Скайпу» и попросил рассказать об участии Саши в мероприятиях федерации в восьмидесятых годах. Он мне говорит, что он больше участвовал практически во всех соревнованиях, проводимых в Казани, ради поддержания здоровья. Рассказал о любопытном случае. На одних соревнованиях Саша очень крепко заплутал. Когда вернулся в лагерь, у него спросили о причине долгих гуляний по лесу. Он отвечает вполне серьезным видом: «Беру азимут на КП, а бегу в другую сторону. Оказывается, я сегодня одел штаны задом наперед!» и расхохотался, вызвав шквал сме-

ха среди участников. В конце разговора с Виктором на мониторе компьютера показала супруга Виктора Роза и рассказала забавную историю, как Саша учил участников семинара на Машиньере правильно пить коньяк. Был день рождения одного из составителей, и он припас по этому случаю бутылку коньяка. Как делить все это на тридцать человек, чтобы не было обидно никому? Как мерить? Саша где-то раскопал подобие наперстка и в шутку говорит: «Вот Саша Кашкаров с этим приспособлением точно никого не обделит». Получилось точно тридцать долей коньяка. Потом Саша всем велел взять в руки кружки и долго держать, а затем разогретыми постепенно поднести к носу, понюхать и начинать постепенно вдыхать ароматные пары коньяка, а затем выпить его мелкими глотками до дна. После завершения процедуры все дружно захохотали. Саша сказал: «Это не шутка, это не карты рисовать, а научил я вас сегодня правильно пить коньяк. Так что мы на правильном пути, чтобы после завершения соревнований по этой карте, правильно испить коньяк не из эмалированных кружек, а из плоскодонных звенящих бокалов». Саша обладал тонким чувством юмора. Два случая связаны со мной, о них он эмоционально рассказывал на встречах ветеранов и на моем шестидесятилетнем юбилее. Первый случай связан с поиском места нашего с супругой проживания. В 1969 году после окончания института мы с большим трудом нашли квартиру, вернее домик величиной с баню, в поселке, находящемся в километрах пятнадцати от центра города. На следующий год Саша с Николаем Петровичем Шабакковым (одним из лучших составителей карт республики, впоследствии судьей Республиканской категории) решили меня поздравить с двадцатипятилетним юбилеем. Улицу они разыскали, а вот дом не могли определить, поскольку на некоторых из них не было даже табличек с номерами. И тут Саша обратился к стоящей на улице детворе: «Где тут живет пан-спортсмен?». Ребятня характерным жестом рук указала на наш домик. Этот случай Саша всегда рассказывал, сопровождая рассказ характерным детским жестом руки. А второй случай связан с его подарком на мой сорокалетний юбилей. Он преподнес мне великолепную пепельницу из ограненного стеклянного монокристалла золотистого цвета, выполненного в его институте, со словами: «Такая пепельница имела только у генсека». Действительно, была фотография Брежнева в маршальской форме, стоящего за массивным письменным столом с такой же пепельницей на столешнице. Конечно, такие пепельницы имелись у многих высокопоставленных лиц. И слова Саши были очередной остроумной шуткой.

Саша в эти годы увлекался спортивным туризмом. Были походы на Саяны и

Во время похода на Алтае в августе 1967 года

Байкал, на Приполярный Урал. Последний поход он совершил на горный Алтай в 1967 году. И всегда он с собой брал гитару, причем каждый раз новую. А в конце похода повидавшую виды гитару оставляли на последней стоянке маршрута. При покупке же новой гитары возникали иногда просто забавные моменты, об одном из которых расскажу позже.

Потом вся его страсть переключилась на составление карт. Но появилась еще одна страсть – зеркальные значки. Технологию их изготовления предложил и освоил именно Саша. Сначала, в 1968 году, были пробные значки коллектива физкультуры института (к/ф «Спектр»). В этом же году одну из сослуживиц Саши постигло несчастье – она осталась без обеих ног. И Саша со своими коллегами решили ей помочь, приобретя «Запорожец» с ручным приводом. Мы, все ориентировщики, знали, что все деньги от реализации значков идут в копилку для приобретения этой машины. Через полтора года эта машина была приобретена и передана адресату. В 1969 году Сашей были изготовлены именные значки членов службы дистанции Всесоюзных соревнований в Брянске. На значке изображен муравей с надписью: «Служба дистанции. 1У. Брянск. 1969».

Саша не обиделся бы на меня, если я скажу, что он и на работе «пахал», как муравей. Прошел путь от инженера до начальника лаборатории. Институт был закрытым учреждением. Он работал по научной тематике, направленной на обеспечение обороноспособности страны. Разработку с его участием хотели выдвинуть на соискание Государственной премии СССР. Но партийные чиновники из отдела науки Тагарского обкома КПСС хотели включить в состав соискателей своего представителя и на отказ отраслевого министерства наложили свое вето на выдвижение. В то время многие вопросы без согласования с партийными органами не решались.

Вот таким разносторонним человеком был и не мог не быть Саша. Он родился и воспитывался в семье интеллигентных людей. Отец работал метеонаблюдателем в деревне Чулпаново рядом с городом Нурлат на юге Татарии (туда его устроили друзья из-за болезни туберкулезом). Мать окончила школу благородных девиц и после окончания медицинского факультета Казанского университета была распределена туда же, где они и поженились. Отец болел и умер в 1946 году в возрасте 49 лет. Из рассказов Саши я знал, что его дядя по матери Субботин Михаил Федорович был видным советским астрономом. Из Советского энциклопедического словаря (1987 г.) узнал, что он был членом-корреспондентом Академии наук СССР (1946 г.) и имел труды по небесной механике. Его именем назван институт в Киеве, где он трудился. Саша мне рассказывал, что дядя пред-

лагал ему переехать в Киев. Но Саша его предложение не принял. Вообще, Саша не любил рассказывать о своих предках супруге Оле и сыновьям Ване и Илье. И вот, уже после его смерти Оля передала мне выпущенный к семидесятилетию победы сборник «Наше военное детство» с воспоминаниями ветеранов института, где опубликованы воспоминания Саши: «Я хорошо помню день победы». Он там достаточно подробно рассказывает о своих предках.

Собирая материалы для этой статьи, я получил от Вали Гришаевой, супруги покойного Коли Шабаква, множество фотографий из походов и со сканов рукописей, выполненную машинописным способом. Она сказала, что это отчет о походе на приполярный Урал летом 1965 года. Рукопись была сделана под копирку. Когда я начал читать, то понял, что это прекрасная литературная зарисовка выполнена Сашей, и пропитана она лиричным духом воспоминаний после труднейшего похода. Я ощутил еще один дар Саши. Дар, который неведом был мне, – владение прекрасным литературным языком. Я хотел вам привести выдержку из Сашиного произведения про попытку купить гитару в Казани. Вот она, без купюр: «...Света вложила в ладонь несколько смятых трехрублевков. «Без гитары не возвращайтесь!» И зачем нам понадобилась гитара? Опыт прошлого лета показал, что:

- первое, таскать её буду я;
- второе, брэнчать на ней умеем только я и Юра;
- третье, после каждого дня Байкальского похода копыта отбрасывались в стороны, играть было некогда, хотелось спать;
- четвертое, гитара – очень нежный инструмент, от дождя и сырости она у нас развалилась на девятый-десятый день похода, и плезиозавр Кравченко (*руководитель похода – замечание мое*) устроил из нее мишень. Зачем, спрашивается, нам гитара? Гитара нужна, вот и все, так надо! – решила масса.

Юрка оставил меня на улице, заставив держаться за водосточную трубу, а сам пошел в универмаг. На меня с плаката смотрела огромная консервная банка. «Сдай меня в Росглавцветмет», – банка хитро улыбалась, с ее рваных краев обильно капал жир... Ах, зараза, ведь если бы ты встретила где-нибудь на Байкале, с каким удовольствием, каналья, я бы тебя там облизал, вместе с этикеткой и рваными краями, а сейчас... «Гитары за семь рублей в продаже нет!» Юрка тербит меня за руку и волочет по улицам Ка-

Одна из последних фотографий А. Бермана – обложка сборника воспоминаний о войне

зани к вокзалу.

Через полчаса нас увозил поезд Казань–Киров.»

Гитару не смогли купить ни в Кирове, ни в Котласе, где делали пересадку, и только в северном, захолустном в то время городе Печора им улыбнулось счастье, и гитара, по традиции, снова взгромоздилась на плечи Саши.

Думаю, что первый экземпляр переплетенной рукописи хранится, скорее всего, в Сашином гараже. Мы года три тому назад там с ним отыскали очень нужные экземпляры карт. И здравствующие друзья Саши обязательно ознакомятся с его замечательным произведением. А Саша последний раз сыграл нам на гитаре в 1975 году на озере Машиньер, где он спел великолепную туристскую песню со словами: «...подожди, постой ещё немного, посидим с товарищами у костра...». Он сначала не хотел петь, и гитара-то не его была. Его уговорил спеть Коля Шабаква. Коля был старше Саши на три года, и ему, видимо, неудобно было отказать самому старшему из своих друзей. После этого мы Сашу с гитарой в руках не видели.

Саша стойко перенес последние три месяца болезни и прощаться с ним пришло очень много народу: бывшие сослуживцы, соратники по ориентированию и просто друзья. Было сказано много теплых слов. Его сосед по комнате в общежитии, проживший рядом с ним более двадцати лет, Марат Танташев, прощаясь с ним, как всегда, назвал его Шурой; родственники и друзья семьи, как всегда, обратились – Алик, друзья-ориентировщики – Саша, а сослуживцы – Александр Моисеевич.

Ю. Баранов (Казань)